

МИХАИЛ ЛОБАНОВ

УБЕЖДЕНИЕ

Из новой автобиографической книги

*Убежденье хоть не скоро
Возникает — но зато
Кто Колумба Христофора
Переспорить мог? Никто.*

Я. П. Полонский

У Марины Цветаевой есть такие стихи: *Что, если б знамя мне доверил полк, / И вдруг бы ты предстал перед глазами — / С другим в руке, — окаменею, как столб, / Моя рука бы выпустила знамя...*

Ну, для женщины, да ещё такой безгранично свободной во всём, как названная поэтесса, “кульбит” со знаменем не удивителен, но ведь падко на это же и подавляющее большинство мужских особей рода человеческого вообще, как и та массовая готовность менять свои убеждения, которая прокатилась по нашей стране во времена “перестройки-революции”. Всегда было мало людей идеи, убеждения, готовых не предавать, жертвенно отстаивать их (здесь я не говорю об истинно верующих, это особый разговор). В. В. Розанов в связи с Достоевским говорил о “золотом слове” у писателей (связанном у него с Христом), и этим “золотым словом” я назвал бы “убеждение”. Как-то я поставил перед собой задачу: читая серьёзные книги (духовных лиц, историков, государственных деятелей, учёных, писателей), отмечать у них слово “убеждение” и выписывать содержание его. И передо мною открылись квинтэссенции русской мысли, духовности, грани бытия, национальных характеров. Приведу из огромного количества сделанных мною выписок только некоторые. Итак, об убеждениях.

В “Войне и мире” Толстого Кутузов “был убеждён, что ему было предназначено спасение России и что потому только, против воли государя и по воле народа, он был избран главнокомандующим. Он был убеждён, что он один в этих трудных условиях мог держаться во главе армии, что он один во всём мире был в состоянии без ужаса знать своим противником непобедимого Наполеона <...>”.

* * *

“Таково убеждение автора статьи о западной и русской образованности. Поставив с одной стороны рассудочность и раздвоенность, с другой — разумность и цельность как начала, составляющие различие между двумя областями мысли, он, как мне кажется, определил с совершенною ясностью ту новую точку зрения, с которой наука должна и будет рассматривать явления Православного и западного мира”.

(Алексей Хомяков. Всемирная задача России. По поводу статьи И. В. Киреевского “О характере просвещения Европы и о его отношении к просвещению России”)

* * *

“Мы, петрашевцы, стояли на эшафоте и выслушивали наш приговор без малейшего раскаяния <...>. Не годы ссылки, не страдания сломили нас. Напротив, ничто не сломило нас, и наши убеждения лишь поддерживали наш дух сознанием исполненного долга. Нет, нечто другое изменило взгляд наш, наши убеждения и сердца наши <...> Это нечто другое было непосредственное соприкосновение с народом, братское соединение с ним в общем несчастье, понятие, что сам стал таким же, как он, с ним сроднён и даже приравнен к самой низшей ступени его. <...> ... Я был, может быть, одним из тех <...>, которым наиболее облегчен был возврат к народному корню, к узанию русской души, к признанию духа народного”.

(Фёдор Достоевский. “Дневник писателя”)

* * *

“Убеждение – если оно есть действительное убеждение – покупается по большей части ценою умственных и нравственных процессов, более или менее продолжительных переверотов в душевном организме <...>, а не приходит с ветра”.

(Аполлон Григорьев. “Апология почвенничества”)

* * *

“Убеждения самые разнообразные, самые противоречивые уравниваются перед безграничной злобой похотливой легковесности, все они подлежат преследованию и казни потому только, что называются убеждениями и напоминают о существовании ненавистной мысли”.

(М. Е. Салтыков-Щедрин. Из публицистики)

* * *

“Что же такое “нищета духа”? Или что значит “быть нищим духом”? Быть нищим духом значит иметь духовное убеждение в том, что мы ничего собственно своего, кроме грехов, не имеем, а из доброго имеем только то, что подал и подаёт Бог <...> Короче, нищета духовная есть смиренномудрие”.

(Святой Праведный Иоанн Кронштадтский)

* * *

“Каждое утро, когда я просыпаюсь и творю молитву, я смотрю на предстоящий день, как на последний в жизни, и готовлюсь выполнить все свои обязанности, устремляя уже взоры в вечность. А вечером, когда опять возвращаюсь в свою комнату, то благодарю Бога за лишний дарованный мне в жизни день. Это единственное следствие моего постоянного сознания близости смерти как расплаты за убеждения. Порою, однако, я ясно чувствую, что должен наступить день, когда замысел убийцы наконец удастся”.

(П. А. Столыпин / Г. Сидоровнин. “П. А. Столыпин. Жизнь за Отечество. Жизнеописание (1862–1911)”).

* * *

Только искренность, сила убеждений способна вдохнуть в творение долгую жизнь, сопричастность вечности. Но что я могу сказать о своих убеждениях? Думаю, что без твёрдого убеждения я не могу бы написать своей статьи (с правдой о голоде в Поволжье в 1933 году) “Освобождение” (журнал “Вол-

га”, 1982, № 10), вызвавшей такой резонанс в нашей стране и за рубежом, осуждающее решение ЦК КПСС по команде Генсека Ю. Андропова.

Должен сказать, что убеждение никогда не было для меня рационалистическим, головным, оно возникало, развивалось, обогащалось из опыта жизни, моих связей с миром, как человека **внутреннего**, подотчётного больше сердцу, чем рассудку. Я столько вложил “сердца” в свою первую книгу “Роман Л. Леонова “Русский лес” (1958), особенно в понимание народного характера Ивана Матвеевича Вихрова, великого учёного-лесоведа и великого патриота, что Леонид Максимович почувствовал это, и наш разговор с ним после выхода моей книги был, что называется, на одной волне. Как-то он писал мне: “Большое спасибо за всегдашнее Ваше доброе ко мне отношение. Правду сказать, оно весьма скрашивает мне действительность и потому имеет для меня лекарственное значение”.

“Любовь критика” – так называлась рецензия Д. Старикова на мою книгу о Леонове (“Литгазета”, май 1959). Может быть, этой любовью и обеспечено то, что эта книга и сегодня, спустя почти шестьдесят лет после её издания (1958), по отзывам в печати, не потеряла своего живого звучания.

У Вадима Кожинова есть статья “Позиция и понимание” (в кн. “Судьба России”, М., 1990), написанная в связи с моим “Освобождением” (1982). Здесь на примере двух авторов Михаила Лобанова и “демократа” Адамовича показано, в чём различие между “пониманием” и “позицией”.

Вадим Кожинов пишет, что в рассуждениях Адамовича о героинях его книги, испытавших ужасы оккупации, – рассуждениях, написанных одновременно со статьёй Лобанова, есть такая фраза: “Кажется, что полесские женщины-колхозницы все начинались... Достоевского... будто списывает кто-то с книг... Достоевского саму жизнь и подсовывает нам...” Что же касается Достоевского, Михаил Лобанов, невольно опровергая А. Адамовича, говорил в той самой статье: “Исторический опыт, пережитый нашим народом в XX веке, опыт ни с чем не сравнимый по испытаниям и потерям, перевернул многие предшествующие представления о ценностях, в том числе и в литературе. Этот опыт превзошёл всё, что только могло быть предсказано в прошлом, в том числе и все провидения Достоевского”.

Вадим Кожинов спрашивает: “Почему же такое “расхождение” возникает между тем, что писали во времена “застоя” М. Лобанов и А. Адамович?.. Адамович просто **не понимал** того, что давно понял Лобанов... И уж, конечно, Адамович не понимал высказанной семь лет назад мысли о том, что жизнь XX века далеко превзошла провидения Достоевского... В конечном счёте дело заключалось в том, что Адамович принадлежит к литераторам, чья деятельность исходит не столько из **понимания** реальной истории и современности, сколько из такого типа организации сознания, который хорошо определяется словом “позиция”. “Типичный образец “позиции”, основанной не на реальном **понимании** дела, а только на желании что-нибудь “заклеймить”. “Вообще, любая “позиция” (а не понимание) – плод всё того же неукротимого стремления к волюнтаристской “переделке бытия”.

“В заключение вернусь к статье Михаила Лобанова, – пишет Кожинов, – с которой я начал разговор. В ней проникновенно сказано о ни с чем не сравнимом историческом опыте, пережитом нашим народом в XX веке. И если мы пренебрежём этим опытом, мы не только слишком много потеряем, но и наверняка обречём себя на гибель. А один из важнейших уроков этого опыта – ни в коем случае не руководствоваться в своём мышлении и действии самой что ни на есть привлекательной “прелестной” (вспомним древний смысл этого слова, означающего сатанинский соблазн) “позицией”. Ибо любая “позиция” – это орудие политиканства, а не реальной, творческой политики”.

Продолжая начатый Вадимом Кожиновым разговор о понимании, следует сказать, что иногда “понимание” может достигать высот, когда оно становится открытием нового бытия. Иван Аксаков в 1848 году, в возрасте 25 лет писал: “Надо жить, отвергая жизнь... Рушится быт повсюду; вместо тепла предложен воздух горних высот <...> уже вместились в нас это убивающее жизнь понимание...” (И. С. Аксаков. Письма к родным. 1844–1849). И это пишет молодой человек, вспоенный, вскормленный “теплом” быта, самой атмосферой любви и дружбы многодетной семьи, здоровой, казалось бы, стабильной основой христианского духа. И сколько в этом “убивающем жизнь понимании” предчувствия грядущего выветривания бытия, человеческих душ, энтропии мира. И как поверхностно, узко мироощущение западников, всякого рода ге-

гелистов, позитивистов, прогрессистов, нынешних либералов, “демократов” в нашей стране с их революционной чесоткой, маниакальной “позицией” переделать русский народ, уничтожить Россию как самобытную православную цивилизацию.

Как сказано поэтом: “убежденье хоть не скоро возникает”, но сказать то же самое можно и о понимании. Говоря о пагубном влиянии на писателя “внутреннего цензора”, В. Астафьев пишет: “Так что извините, не знаю пока, кроме Твардовского “По праву памяти”, другого произведения современника, свидетельствующего об отсутствии внутреннего цензора. Но опять же возраст... Или вот Лобанов, написавший о нашей литературе статью “Освобождение”, за которую его хотели очень уничтожить. Но он-то точно не из молодых. Помните у Чехова: “По капле выдавливать из себя раба”? Но это раба! А чтобы внутреннего цензора, эту глисту, страшная, долгая кропотливая работа” (В. Астафьев, из интервью // Сельская жизнь. 1988. № 1).

Именно потому мои статьи, книги вызывали такой широкий общественный резонанс, что они писались без сковывавшего мысль “внутреннего цензора”, при внутренней свободе, что называется “прямо”, от сердца к сердцу. Тогда-то, кстати, и возникает взаимопонимание между автором и читателями, усвоение самого смысла понимания. Но тогда же и накидывались на меня, множились недруги.

Как две предыдущие мои статьи “Просвещённое мещанство” (“Молодая Гвардия”, 1968, № 4) и “Освобождение” (журн. “Волга”, 1982, № 10), этапной стала в моём творчестве и статья “Слепота” (“Наш современник”, 1991, № 11). Написанная в острейшем духовном предчувствии надвигающейся гибели великого государства, статья и произвела своё действие на читателя обнажённостью моей реакции на происходящее как на личную трагедию. Помнится, как сразу же после публикации её мне позвонил Игорь Шафаревич и сказал, что его поразила “духовная сила статьи”. И вот недавно, спустя уже четверть века, как она вышла, звонит мне выпускник моего литинститутского семинара, прошедший войну в Чечне, Виталий Носков и говорит, что перечитал ту мою давнюю статью “Слепота” и что она имеет “государственное значение”.

Не побоюсь повторить давно известное: сколько вложено в слово, столько и отзовется.

Вадим Кожинов назвал меня “наиболее полнокровно – из известных мне моих современников – воплотившем в себе русскую духовную стихию”.

Высшей формой убеждения является вера. В атеистической обстановке 60–начала 80-х годов минувшего столетия работать в идеологической области (в том же Литературном институте им. А. М. Горького, где я руководил семинаром прозы) “открыто верующему” не было возможности. Не знаю, прав ли я, но у меня оправданном было то, что я высказал как-то однажды Леониду Максимовичу Леонову: “Когда будет перепись населения, то нельзя скрывать своей веры, отречёшься от Христа, и Он отречётся от тебя”. “Нет, нет!” – замахал руками Леонид Максимович. После духовного переворота во мне в начале 1963 года в своих книгах, в общении со студентами я оставался “внутренним” христианином. Знаменитый священник, он же писатель Дмитрий Дудко, писал о том времени (60–70-е – начало 80-х годов): “Я Лобанова давно уже заметил по его произведениям, они мне очень нравились, были удивительно духовны. Как он всё хорошо понимал в безбожный период в нашей стране и безбоязненно обо всём говорил. Его статья “Освобождение” наделала большой переполох. Лобанова наказали. Вот они – герои, а всё выставляют кого-то, кто им и в подмётки не годится. Мучаются другие, а лавры пожирает кто-то, но забывает враги, что есть Промысл Божий, есть Грозный Судия, по выражению Лермонтова: “Тогда напрасно вы прибегнете к зловью, оно вам не поможет вновь...” Я почувствовал в Лобанове по духу сродное мне” (Священник Дмитрий Дудко. “Шторм или пристань”. М., 2001).

Когда студенты знали, догадывались, за какую “духовность” разносят меня в печати, на партийных собраниях, учёном совете Литинститута, так и я догадывался, знал о скрытой вере некоторых из них.

...Мы сидели с моим студентом поздно вечером после семинара вдвоём в пустой аудитории (№ 11) и говорили о его дипломной работе. Шла она у него туговато, писал он под Пруста – одна фраза почти на страницу, – нельзя было понять, о чём идёт речь. Я советовал ему взять какую-нибудь реальную историю из собственной жизни или даже услышанную от других, чтобы была опора на предметность, “натуру”, что он впоследствии и сделал (и защитил

дипломную работу). А тот наш разговор в пустой аудитории закончился так. В голосе моего собеседника послышалась нотка проповедничества, в лексике — “отцы церкви”, на что я, расставаясь с ним, сказал ему: “Володя, то, что ты сейчас говорил мне, помолчи об этом на экзамене по марксизму-ленинизму, там другие “отцы”, тебя не поймут, и останешься сиротой для Литинститута”. К счастью, отцы марксизма не распознали, с кем имеют дело, и уж не знаю, какими средствами ухода от опасности, но экзамен по грозному предмету был сдан. Было это с выпускником моего семинара Владимиром Орловским, который впоследствии стал игуменом Дамаскиным (Орловским), известным автором книг о новомучениках и исповедниках Российских XX века, секретарём Синодальной комиссии по канонизации святых.

Встретился как-то с другим своим бывшим “семинаристом”. Он рассказал мне, что написал письмо в Организацию Объединённых Наций о “современном положении человечества” с целью его совершенствования. И уже спустя много лет получаю от него письмо с фотографией его в монашеском одеянии. У меня невольно вырвалось: “Пономарёв! Юра Пономарёв!” Пять лет учился в Литинституте, выдумывал рассказы, интересных героев. А самое интересное, неожиданное, оказывается, он сам. Это тогда, в первую минуту поразило меня, а потом увело в раздумье: сколько неожиданного, таинственного в жизни! От письма в ООН, от “общечеловеческого проекта” — к Евангелию, от Юры Пономарёва — к отцу Феодору, монаху Александро-Свирского монастыря (Ленинградская область). Мы переписываемся, встречаемся у меня в Москве.

Однажды, в самый разгар шума в печати о моей статье “Освобождение” получаю пакет от Василия Белова, открываю и вижу большую рукопись о моей статье, подпись — Евгений Булин. Неизвестный мне Булин из Башкирии послал свою статью обо мне Белову, а тот переслал её мне, вскоре и я получил ту же статью от самого автора. Видно, что молодой человек талантлив, явно с “духовными запросами”. Потом мы познакомились, когда он поступил в Литинститут, и хотя занимался на семинаре критики, но часто ходил на мой семинар прозы, даже когда закончил Литинститут, записывал нужное для него.

С “перестройкой” Евгений Булин уехал в Америку, у него там был родственник по жене — Николай Иванович Тетенов (редактор журнала “Русское самосознание”). Работал маляром, поступил в Свято-Троицкую духовную семинарию Русской Зарубежной Церкви в Джорданвилле, но после окончания первого курса (из шести) вернулся в Россию и стал служить в храме Покрова Божией Матери в Раменском районе под Москвой. У меня есть фотография: трогательно видеть небольшой храм, малое “стадо Христово” — приход в составе неизменных старушек, шествие их, возглавляемое батюшкой... Увидел я его в Литинституте, на выступлении перед моими студентами замечательного русского писателя отца Ярослава Шипова, и что-то дрогнуло во мне: показался он мне постаревшим — в его-то годы! Хотя “игро” это и “благо”, но сколько духовных, душевных, физических сил требует служение Церкви, Христу, более тяжкого подвига и нет. А тут он ещё задел во мне какой-то недозволенный нерв: жена Татьяна (она была на этой встрече) передала мне, что в моё отсутствие (я выходил из аудитории) на вопрос студентов, что стало толчком на его пути к вере, отец Евгений сослался на моё духовное влияние на него... Сейчас он служит в храме Михаила Архангела в селе Загорново в Подмосковье.

Как-то в конце 80-х годов мы втроем — Женя Булин (вернувшийся из Америки), Николай Тетенов и я — приехали в подмосковное Черкизово, где служил в храме отец Димитрий Дудко. Незабываемые сутки, проведённые с дорогим батюшкой! Днём мы прогуливались с ним по берегу Москвы-реки, удивительно широкой здесь, разговаривали на разные темы, о литературе, которую он очень любил, сам писал, изливал в простодушной форме свою открытость на все дары земного бытия, принимая и самое горестное, трагическое в своей жизни как “подарок от Бога” (одноимённое название его автобиографической повести с пронизывающей правдой о деревенском детстве в 30-х годах прошлого столетия).

Батюшка любил встречаться с молодёжью, не раз приходил на мой семинар побеседовать с молодыми авторами, переходя от одного студенческого стола к другому, выслушивал, приложив руку к уху, вопросы, отвечал просто и мудро. Выпускники Литинститута хорошо помнят его. Валерий Шелегов (из Канска Красноярского края), десятилетиями поздравляющий меня со всеми праздниками, вспоминает, как отец Димитрий спас его, вывел из тяжкого недуга. Преподавательница Литинститута Светлана Молчанова в трудное для

неё время по моему совету обратилась к отцу Димитрию, и за помощь его пожизненно благодарна ему. Был случай, когда один из моих выпускников, режиссёр по профессии, кажется, из Новочеркасского театра, ночью звонит мне в каком-то запале, путаясь в словах, кричит, что хочет покончить с собой, не может жить, что ему делать, куда обратиться, срочно, сейчас же. И первая моя мысль – не о “скорой помощи”, не о психиатрической больнице, о том, что было бы в порядке вещей, – а к отцу Димитрию. Я дал “ночному голосу” отца Димитрия телефон, и слыша, как “голос” понемногу успокаивается, просил его звонить отцу Димитрию не сейчас, а утром. Днём же узнал, что батюшка “отвёл беду”.

Истории, связанные с церковностью студентов, порой заканчивались неожиданным исходом, означавшим, что общественная жизнь была сложнее, богаче “тенденции времени”. Священник, известный писатель Владимир Чугунов вспоминает: “Хождение в церковь чуть не обернулось нашей троице исключением из Литинститута. Как узнал позже, по просьбе М. П. Лобанова он (ректор Литинститута В. К. Егоров. – М. Л.) обратился к своим бывшим коллегам из ЦК ВЛКСМ, те – к коллегам из КГБ, и кампанию прекратили, а уж казалось бы всё” (Владимир Чугунов “Преодоление неофитствующего максимализма”. “Литературная Россия”, 04.04.2014). Одним из этой “троицы” был мой “семинарист” Геннадий Рязанцев, об этом я рассказывал в своих мемуарах (кн. “В сражении и любви”, 2003). Впоследствии он стал священником в Липецке.

В годы горбачёвской “перестройки” и ельциновщины вроде бы был ослаблен внешний контроль властей над Церковью. Помнится, с каким подъёмом прошло в Новгороде празднование тысячелетия Крещения Руси в мае 1988 года, как вибрировал мост через реку от шествия многотысячной толпы к местному Софийскому собору... Уже не одни “белые платочки” можно было видеть в храмах, их стали заполнять массы людей, вереницы молодёжи шли сюда, чтобы венчаться, крестить своих детей. Все эти плодотворные признаки возрождения Православия в России активизировали и враждебные ему силы. Главный идеолог “перестройки”, её “архитектор”, он же член Политбюро А. Яковлев рассчитывал на некий торг, отправляясь в поездку в Оптину пустынь: мы передаём церковникам Оптину пустынь, а они должны уступить – отойти от “устаревших догматов”, то есть отказаться от Православия, которое, как известно, немислимо без вековых, традиционных догматов. И хотя эта сделка не могла состояться, сама плюралистическая политика властей велась явно не в пользу Церкви.

В моей книге “В сражении и любви” мелькают имена околоцерковных диссидентов, ничтожных самих по себе, ныне уже никому не известных, которые своей агрессивностью, сплочённостью, общей ненавистью к Православной Церкви, как моль, пытались точить её здоровое тело, сеяли подлые наветы против Московского Патриархата. И поддерживал их в этом Солженицын, обвинявший Патриарха Пимена... во лжи (“Но после лжи какими руками совершать Евхаристию?” – из “великопостного письма” “Всероссийскому Патриарху Пимену”, 1972).

Моя связь с Церковью по интенсивности переживания более всего относится к периоду Патриаршества Святейшего Пимена (3 июня 1971 – 3 мая 1990). В моей памяти он остался своим суровым обликом, величественным в богослужении, чётким, на весь храм, голосом необычайной красоты. Тогда кафедральным был Богоявленский (Елоховский) собор, и я посещал проходившие там патриаршие службы, почти всегда на Страстной седмице. Помню, как однажды в Великий Пяток, стоя у вынесенной из алтаря Плащаницы, опираясь на жезл, он произнёс такую проповедь в нескольких словах, повторяя кого-то из Отцов Церкви: “Что мы можем сказать в этот час? Мы можем только молчать и плакать”.

Избранный Поместным собором на первосвятительское служение, Патриарх Пимен обозначил главным в деятельности Патриархии сугубо бережное отношение к православному вероучению, к каноническим основам церковного строя. “Я хочу, чтобы наше богословие было всегда сугубо ортодоксальным... Мне хотелось бы... чтобы традиции Русской Православной Церкви неукоснительно сохранялись <...>” (История Русской Церкви. 1917–1991. Книга девятая. Издательство Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, М., 1997).

И Патриарх Пимен от начала до самого конца своей деятельности как Предстоятеля Русской Православной Церкви твёрдо стоял на незыблемом сохранении в ней традиции, оберегая её, защищая от диссидентствующей обnoxious заразы.

Мало кто, только близкие к Патриарху люди знали, как он в последние годы страдал от тяжелой болезни. Врачи настаивали на операции, но Патриарх отказался, вверяя свою судьбу воле Божией. Во время отпевания Святейшего Патриарха Пимена Католикос-Патриарх всей Грузии Илия II в своём слове соболезнования сказал: “Когда мы со стороны смотрим на жизнь Святейшего Патриарха Пимена, то видим только величие и славу, вспоминаем торжественные богослужения, но не видим тяжёлых испытаний, которые он перенёс, бессонных молитвенных ночей, слёз и страданий, того тяжёлого креста, который он нёс на своих раменах. Святейший владыко, прости нас за нашу близорукость!” (Там же. С. 479).

А я вижу Святейшего Патриарха Пимена таким, каким видел его последний раз в Богоявленском соборе в 3-ю неделю Великого поста, Крестопоклонную, медлительно шествующего в толпе верующих при знобящем душу песнопении: “Кресту Твоему поклоняемся, Владыко, и святое воскресение Твое славим”...

Осенью 1990 года в Италию, на Капри, на конференцию “Религия и культура” выезжала группа писателей, сотрудников Института мировой литературы (ИМЛИ), в составе которой был и я. Тема разговора был задан тогдашним епископом Никандром, который решительно провёл непроходимую границу между религией и культурой: резко, бескомпромиссно противопоставил вертикальную линию самопознания – связь с Богом – с горизонтальной – связи с культурой, не допуская абсолютно никакой возможности их взаимопроникновения. Другие выступавшие защищали культуру, “проводника божественной просветлённости”, видели её и там, где её быть не могло (в “серебряном веке”), в “воскрешении” (не в воскресении) Н. Фёдорова, в “Розе мира” Д. Андреева, в “пассионарности” Гумилёва (не в исихазме Паламы). Звучали имена модных зарубежных философов, и почти ничего не говорилось о Православии. В своём выступлении я говорил о том, сколько духовной смуты внесла в прошлое, да и теперь вносит философствующая интеллигенция, как боролись с этим лучшие наши русские мыслители и иерархи Церкви, что в нынешнее катастрофическое для России время испытывается наша тысячелетняя вера и единственной “твердыней духа” для сближения всех здоровых творческих сил может быть только Православие. Под таким названием “Твердыня духа” и было опубликовано моё выступление в газете “Литературная Россия” (11 января 1991).

В моём возрасте писать о литературе (когда надо бы отчитываться перед “вышей инстанцией” за всю прожитую жизнь) вроде как “несолидно”, несерьёзно, но что делать, если эта литература стала моей проклятой долей, тем более что от неё неотделимо то, что я считаю своим убеждением. О моей пожизненной верности своим убеждениям говорил даже такой рьяный либерал, мой гонитель, как Анатолий Бочаров, начиная наш с ним еженедельный диалог в “Литературной газете”: “Рад возможности провести диалог с Вами, Михаил Петрович, критиком, твёрдо отстаивающим уже не один десяток лет свои взгляды, в отличие от многих вертодоксов, если вспомнить выражение Л. Леонова. Взгляды у нас, правда, разные на всё, что происходит в литературе. Да и не только в литературе” (“Литературная газета”, 6 сентября 1989).

Здесь я должен прервать начатый диалог и привести слова К. Аксакова: “добросовестное глубокое убеждение уже по одним этим качествам заслуживает уважение. Как скоро оно ошибочно, оно требует добросовестного опровержения, требует спора дельного, а не выходок <...> часто наполненных разными искажениями и клеветами, взводимыми на противника...” Вроде бы воздав должное своему оппоненту “за твёрдое отстаивание уже не один десяток лет своих взглядов”, А. Бочаров в итоговом обсуждении диалогов называет мои вполне резонные суждения “мракобесием”, не приводя никаких доказательств этого лихого приговора. Сам пленник безнадёжной языковой серости, он не понимает той разницы, которая может существовать между оппонентами, что понимает, скажем, другой либерал, который, не принимая моего толкования народности А. Н. Островского в моей книге о нём, всё же считает нужным оговориться: “Скажу искренне, автор, безусловно, талантлив. Слогу его можно позавидовать. Многие рассуждения интересны, есть места просто отличные”. Но отмечено здесь как главное – именно слог, в наше время ни о каком слоге в литературе уже не говорят, хотя это главная особенность творческой индивидуальности, и многозначительно как бы проходное замечание автора статьи, видящего в разбираемой им книге об Островском с её “завидным” слогом, с её стотысячным тиражом “перехват целого поко-

ления читателей” (В. Кулешов “А было ли “Тёмное царство?” “Литературная газета”, 19 марта 1980 г.).

Небезызвестный “в узком кругу” идеолог режима 90-х годов, он же автор постмодернистского романа о них В. Сурков в одной из своих лекций перед активистами партии “Единая Россия” привёл высказывание Н. Бердяева о дворянстве, как о “белой кости”, существование которой “есть не только словесный предрассудок”, но и “антропологический факт”. Но у Бердяева есть и такие слова: сословный аристократизм кончился, наступило время “духовного аристократизма”, которым могут быть отмечены люди любого сословия, социальной группы. В сущности, это то же самое, о чём говорил до него ещё И. Аксаков, потомок тысячеклетнего дворянского рода, который в середине XIX века выступил за упразднение дворянства как привилегированного сословия и в своей “теории общества” писал: “Общество, по нашему мнению, есть та среда, в которой совершается сознательная умственная деятельность известного народа, которая создаётся всеми духовными силами народа, разрабатывающими народное самосознание... Общество образуется из людей всех сословий и состояний – аристократов самых кровных и крестьян самой обыкновенной породы, соединённых известным уровнем образования”.

О писателях Пушкин говорил: “Писатели во всех странах есть класс самый малочисленный из всего народонаселения <...> Что значит аристократия породы и богатства в сравнении с аристократией пишущих талантов? Никакое богатство не может перекупить влияние обнародованной мысли”.

Впрочем, заведённый “по Бердяеву” разговор о “белой кости”, что называется, – “пристегивай к кобыле”. Имеется в виду “элита” другая, современная, а вот какая она – об этом говорит В. Сурков в своей лекции. “Одно из самых важных достижений 90-х годов, мне кажется, то, что в такой достаточно зоологический период нашего развития к ведущим позициям пробилась по-настоящему активные, стойкие, целеустремлённые и сильные люди, “материал для формирования нового, ведущего слоя нации”. Мне вспоминается, когда на отпевании поэта Виктора Кочеткова священник говорил, как много умирает молодого возраста от тридцати до сорока лет предпринимателей. Выходит, не такие уж сильные люди. О тех же, на кого делает ставку В. Сурков, как на “новых дворян”, хорошо говорит врач: “Я ушла из частной (бывшей ведомственной) клиники из-за того, что осточертело прыгать вокруг “больших боссов”, с устрашающей регулярностью укладывающихся в стационар с похмельным синдромом. Вместо того чтобы заниматься тяжёлыми пациентами, приходится оказывать “знаки внимания” “элитным деятелям” (“Литературная газета”, № 16, 19–25 апр. 2006 г.) Кто не знает, через какой криминал, разбой, через какие кровавые преступления, трупы соперников по грабежу пробивались “к ведущим позициям” упомянутые “сильные люди”, материал для формирования нового ведущего слоя нации”. И от этого “одного из самых важных достижений 90-х” тянется кровавый шлейф к нашим дням, отравляя смрадом нравственного разложения всё наше бытие. Таким же продуктом “зоологической среды” 90-х, как хищное предпринимательство, стали и метастазы господствующей у нас разрушительной идеологии (при лицемерном отказе режима от всяких идеологий). Вот он, кодекс “новой морали”, ненавистничества: “больше наглости” (Чубайс); “брезгливость к жалости” (Д. Быков); “русский фашизм страшнее немецкого” (Швидкой). В своё время П. А. Флоренский писал о русских поэтах: “Гонимые, окружённые помехами, с заткнутым ртом... Процветали же всегда посредственности, похитители чужого” (“Из письма к родным”, Соловки, 1937). Ныне эти “похитители чужого”, дети кровавых 90-х, вполне естественно вошли в дьявольскую систему обогащения как “успешные писатели”. После “новых русских” в “новой России” – “новые реалисты”, прочие “нашисты” в литературе с той же хищнической хваткой, наглым безъязычием, плебейством всяческих “елтышевых”, и всё это щедро поощряется правительственными государственными премиями.

Священник Владимир Соколов в своей книге “Мистика или духовность? Ереси против христианства” (М., 2012), обоснованно выделяя проблему таланта в современном мире, пишет: “Настоящий талант всегда связан с религиозностью. Подлинно талантливый человек не может быть не религиозным, так как целостность невозможна без религиозности, а талантливость – без целостности” (с. 195). “Более того то, что сегодня называют успехом, на самом деле часто является судьбоносным провалом, ибо в достижении успеха не брезгают никакими средствами – важен только результат... Талант всегда восходит, а бездарность

падает, вовлекая в поток падения и окружающих. Восхождение же требует воздержания от соблазна — аскетического подвига, поэтому талантливый человек почти всегда лишенец: во-первых, развращённое общество из ненависти лишает его благ, во-вторых, и сам он ограничивает себя в потреблении, ибо обилие и роскошь развращают дух, а в творчестве приводят к пошлости” (с. 197-198). “...обновление жизни, в котором так нуждается сегодня мир, невозможно, если подлинно талантливые люди не займут центральное место в духовной, общественно-политической и культурной жизни человечества... Искать таланты — это жизненная необходимость для любого народа. Если ему удастся найти и выдвинуть истинные таланты для общественного служения, то такой народ ожидает подлинный общественный успех... Можно сказать, что наше будущее, а в сегодняшней постановке вопроса — и наша жизнь зависит оттого, сумеем ли мы найти и выдвинуть на служение народу истинные таланты” (там же).

Должен сказать, исходя из личного опыта, какой платой может обернуться для вас в жизни верность своим убеждениям и, что особенно печально, трагично, — для самых близких вам, родных людей. И да поможет вам тогда несокрушимая истина — ничего не происходит в мире без произволения Божьего.

ИЗ ПЕРЕПИСКИ С ЧИТАТЕЛЯМИ

Многоуважаемый Михаил Петрович!

От всего сердца я поздравляю Вас с Днем Великой победы. Хочется пожелать Вам крепкого здоровья, благополучия и счастья. Я, как и миллионы других россиян, хочу прежде всего сказать спасибо Вам за Победу! Майский весенний день как нельзя лучше подходит для такого светлого, душевного праздника! Я поздравляю вас с 9 Мая и желаю знать в жизни только хорошее! С праздником!

Есть люди, талант которых неоспорим. Я с огромным уважением и любовью отношусь к Вашему творчеству.

Пусть хотя бы частичка той доброты и любви, которую дарите нам Вы своим талантом и великолепным мастерством вернется к Вам в виде любви и почитания преданных поклонников (ну, как минимум таких, как я) Сэмюэль Беккет сказал гениальные слова: “Жизнь как тюрьма: каждый живет в отдельной камере. А искусство — когда узники этих камер начинают перестукиваться”. Спасибо Вам за то, что Вы своим талантом, своим мастерством, пытаетесь достучаться до наших сердец.

Я приглашаю Вас в гости в славный город Новочеркасск (город уникальный и по красоте, и по исторической значимости), который находится всего в 15 минутах езды от Ростова.

С глубоким уважением и признанием Вашего таланта.

Эдуард Ревенко, Кристина Ревенко (дочка)

Р. С. Уважаемый Михаил Петрович!!

Если Вас не затруднит подписать фотографию для нашей семьи и наклейки для книг “Великий государственный”, “Аксаков”, “Твердыня духа”, которые есть в нашей библиотеке, будем Вам очень благодарны. Это же будет нам и знаком того, что наше письмо нашло своего адресата и не затерялось в дебрях нашей почтовой системы. Зная Вашу занятость и не желая занимать Ваше драгоценное время, заранее кладем надписанный конверт. Просим извинения, если побеспокоили Вас. Семья Ревенко.

....*

Дорогим моим неожиданным друзьям
Эдуарду Ревенко и Вашей дочке Кристине:

*Когда сочувственно на наше слово
Одна душа отзывалась —
Не нужно нам возмездия иного,
Довольно с нас, довольно с нас...
(Ф. Тютчев)*

Ваше письмо, милые мои, глубоко взволновало меня и стало для старого писателя-фронтовика лучшим подарком, и не только ко Дню Победы.

Вас. Вас. Розанов говорил, что единственное, чем мы, существа жалкие, беспомощные, можем помочь друг другу, это – молитва. Читая Ваше письмо, я чувствовал, что это как будто и молитва обо мне, и на это можно отвечать только тем же самым. Дай Бог Вам, Кристине, всей семье всех возможных радостей в жизни, а Вашей дочке – и женского счастья.

Благодарю Вас, дорогой Эдуард, за приглашение побывать у Вас в Новочеркасске. Увы, по возрасту и состоянию здоровья не могу воспользоваться Вашим гостеприимством, хотя очень хотелось бы увидеть Вас, побродить по Вашему историческому городу, столь вошедшему в моё сознание по “Тихому Дону” – с трагедией казачества в гражданскую войну. Да и сам я в конце 1952 г. лежал в Новочеркасске в больнице (где мне делали операцию на лёгких). И вообще, ещё со времён учёбы в Московском университете (1944–1949), после чтения потрясшего меня “Тихого Дона” так тянуло на Дон, что я после окончания МГУ поехал туда работать – в областную газету “Молот” (проработал три с половиной года, в том числе “собкором” газеты на строительстве Волго-Донского Канала). Очень жалею, что из-за сковавшего меня туберкулёза лёгких (с пневмотораксом) мало что смог увидеть по следам казавшейся тогда ещё такой недавней гражданской войны.

Самые тёплые пожелания Вам и от моей любимой жены Татьяны, которую тоже очень тронуло Ваше письмо.

Ваш Михаил Лобанов.
Троица, 8 июня 2014.

“ЛОБАНОВСКАЯ ТВЕРДЬ”. ПИСАТЕЛИ И КРИТИКИ О М. ЛОБАНОВЕ

“Лобанов Михаил Петрович (родился 17. 11. 1925) – русский критик, публицист и общественный деятель. Вырос в многодетной крестьянской семье на Рязанщине близ родины Есенина. В 17 лет был призван в армию, на Курской дуге получил тяжёлое ранение, был демобилизован. Окончил филологический факультет МГУ в 1949 году. Первая книга – “Роман Л. Леонова “Русский лес” (1958). Приобрёл широкую известность публикациями в “Молодой гвардии”, одна из которых стала истинной классикой Русского возрождения (“Просвещённое мещанство”, 1968). Автор биографии драматурга А. Н. Островского и славянофила С. Т. Аксакова, ряда других книг, составитель документального сборника “Сталин” (1995). Лобанова всегда отличала верность русскому патриотизму, никогда не каялся и не отступал перед постоянными поношениями и угрозами со стороны космополитов – партийных или “демократических” в равной мере. С 1960-х преподаёт в Литературном институте, многие из его учеников успешно продолжают дело учителя”.

**С. Семанов. Русский патриотизм.
“Энциклопедия русской цивилизации”, 2003**

“Дорогой Михаил Петрович, я получил Ваши книжки и прочту их незамедлительно, тем более что там, видать, кое-что написано и про меня.

Большое спасибо за всегдашнее Ваше доброе ко мне отношение. Правду сказать, оно весьма скрашивает мне действительность и потому имеет для меня первостепенное лекарственное значение.

Навестили бы меня для взаимообозрения в стиле знаменитой ярославской частушки:

*А давайте-ка, робята,
Отойдём да поглядим,
Хорошо ли мы сидим...*

Позвоните – я почти безвылазно на даче”.

Леонид Леонов. 17 июня 1963

“Когда мне хочется почувствовать самое глубинное, чистое, сильное – я беру Лобанова (кн. “Время врывается в книги”) и нужное вызываю в себе”.

**Алексей Прасолов из места заключения в письме к критику
Инне Ростовцевой за 1963 год. Альманах “Поэзия”, 1986, № 46**

“Новое направление журнала “Молодая гвардия” начало складываться, прежде всего, в статьях Михаила Лобанова “Чтобы победило живое” (1965, № 12), “Внутренний и внешний человек” (1966, № 5), “Творческое и мёртвое” (1967, № 4), но стало явным для всех позднее”.

Вадим Кожин, кн. “Судьба России”, 1990

“Да, можно выделить, перечислить и оценить отдельно мысли этой и смежных статей “Молодой гвардии”, весьма неожиданные для советской печати.

У нас выросло просвещённое мещанство. (Да! – и это ужасный класс – необъятный, некачественно образованный слой, образованщина, присвоившая себе звание интеллигенции – подлинной творческой элиты, очень малочисленной, насквозь индивидуальной. И в той же образованщине – весь партаппарат).

Молодого человека нашей страны облепляют выхолощенный язык, опускающий мысль и чувство; телевизионная суэта, беготня кинофильмов.

Одним словом, в 20–30-е годы авторов таких статей сейчас же сунули бы в ГПУ да вскоре и расстреляли”.

А. Солженицын. “Бодался телёнок с дубом”

“Внеисторический, внеклассовый подход к проблемам этики и литературы характерен для понимания М. Лобановым эпопеи Л. Толстого “Война и мир”. Отечественная война 1812 года трактуется М. Лобановым как период классового мира, некоей национальной гармонии. Неприятие М. Лобанова вызывают идеи Великой французской буржуазной революции: якобы избавление от них, как от “наносного, искусственного, насильственно привитого”, и “возвращение к “целостности русской жизни” обеспечило, по его мнению, “нравственную несокрушимость русского войска на Бородине”.

**А. Яковлев. “Против антиисторизма”.
“Литературная газета”, 15 ноября 1972**

“Очень мне понравились Ваши суждения о Булгакове в рецензии на Виктора (Петелина) – <...> да, талант, но именно театральность в нём сидела неистребимая! Очень тонко подмечено!..”

С уважением сердечным, **Олег Михайлов. 31.10.1972**

“Михаил Петрович! Спасибо за письмо. И за отзыв на рассказы Шукшина. Всерьёз ли хотят издать их в “Р. газете”? Хорошо бы. И состав Ваш мне очень нравится. А как по объёму? Нельзя ли увеличить? Сообщите, что узнаете.

А я по-прежнему прошу Вас участвовать в создании книги. Причины Вашего отказа считаю несостоятельными. Если есть другие причины – другое и дело. Нужна не “более любящая”, как Вы говорите, а объективная статья. Не статья, а книга на 12 листов. Я лёг костями в “Советском писателе” на пути Чаковского, хотя, с другой стороны, не имел права этого делать, так как совсем не подхожу для писания книги о ком бы то ни было, тем более о своём покойном друге. Но что было делать? (Нельзя же было позволять этой шпане оставлять за собой последнее слово).

Я прочитал Ваш отзыв и не вижу ничего, что не соответствовало бы замыслу книги. И сам Василий Макарович, насколько я знаю его, ничуть бы не обиделся на Вашу критику, хотя, может быть, и поспорил бы в чём-то...

Одним словом, Михаил Петрович, ради Бога, подумайте ещё!..

Почтительно, Белов. 29.01.75”.

Из письма В. И. Белова от 29.01.1975

“Спасибо Вам за добрые слова о моих повестях. Что касается “Живи и помни” – возможно, Вы и правы, но было бы неприлично мне полностью соглашаться с Вами. Я же, не кто другой, хлопотал и её. И сил на неё извёл немало. Я ищу для себя надежду и утешение в том, что Вы смотрите на неё со своих критических и гражданских позиций, которые мне, кстати, очень сродни, но они со временем, как и всякие позиции, могут измениться в зависимости от позиций наших противников. Но это так, повторяю, для собственного утешения.

Очень отраднo было читать страницы в защиту русского языка. Сердце болит, как посмотришь, что делают с ним свои и чужие.

Всего Вам доброго”.

Из письма В. Распутина от 8 сентября 1978

“Да, М. Лобанов относится к мысли Добролюбова, справедливо увидевшего трагедию народного характера в невозможности жить по-старому, по законам “тёмного царства”, отнюдь не как к мёртвой, застывшей догме, но как к живой развивающейся идее. Если критик революционной демократии исходил в своей оценке драмы из страстной веры в близкую кончину “тёмного царства”, то современный критик, осмысливая то же явление, обязан исходить из знания реальной исторической последовательности событий: “тёмное царство” крепостничества сменилось, как мы знаем, не “светлым царством” свободы, но ещё более “тёмным царством” буржуа... Взгляд М. Лобанова на трагедию Катерины как на отражение судьбы народного характера, “идеала в переходные кризисные эпохи” (с. 140) представляется продуктивным, не опровергающим, но закономерно развивающим идею Добролюбова...”

Ю. Селезнёв. “Служить своему времени и своему народу”.
“Вопросы литературы”, 1980, № 9

“Были и раньше подписанные статьи, близкие по духу и по позиции Н. Андреевой... Достаточно вспомнить выступление журнала “Наш современник” уже нынешнего года (статья “Послесловия из воспоминаний”), где критик Михаил Лобанов, приветствуя падение “Нового мира” Твардовского, говорит об изживших себя, “исчерпавших себя” (!) “либерально-прогрессистских тенденциях”.

“Как ловчат противники перестройки”.
“Московские новости”, 1988, № 18

“Уважаемый Михаил Петрович! Я мог бы, обращаясь к Вам с этим письмом, поставить и другие эпитеты: “дорогой” и т. д. Но на этот раз мне захотелось воспользоваться простым и очень искренним словом “уважаемый”... В последнем “Современнике”, всё ещё (6 недель) находясь в больнице, я прочёл Вашу статью, которая абсолютно точно, без обманов и жульничества, поставила всё сразу на место. (О, как же и это, и другое сейчас распространено!) А цитаты Твардовского и Симонова? Ведь известно, что, несмотря ни на что, всё так же... пытается отмыть К. С. от его древнего, как мир, двурушничества... И т. д. Не хочу повторять Ваши мысли, одно могу сказать – статья глубокая и самая главная за последнее время...”

И ещё хочу сказать Вам: я никогда не изменю своих взглядов. Наши “друзья” понимают это и потому травят и меня, и вас, и других...

Сердечный привет”.

А. Софронов. Из письма от 25.07.1988

“Поведение Солженицына (как и поведение Сахарова или Шафаревича, Леонида Бородина и прочих антисоветских диссидентов, обласканных Западом), без сомнения, разительно отличалось от поведения М. Лобанова и других русских писателей, критичных к советской истории, но не опускавшихся до апелляции к лжесвободному миру, до сотрудничества, сорабничества с ярыми, безусловными врагами своего Отечества. Не искавших ни “понимания”, ни поддержки, ни славы на исстари ощеренном против России Западе...”

Я полагаю, что помимо непосредственного чувства, которое удерживало или прямо отталкивало этих людей от столь льстившего Солженицыну и его близкой компании западного, американо-германо-израильского сочувствия, литераторы типа М. Лобанова (позволю себе такое обобщение) обладали достаточным разумом, чтобы понимать: за действительный русский патриотизм на Западе не платят ни славой, ни долларами, ни учёными званиями, ни докторскими мантиями, ни почётными лауреатствами... Что именно невестребованность Западом может сделать честь русскому патриоту...”

Татьяна Глушкова. Журнал “Молодая гвардия”, 1995, № 1

“В статье “Просвещённое мещанство” автор обвинил советскую интеллигенцию (её либеральное крыло) в духовном вырождении, назвал её “заражённой мещанством массой”, которая визгливо активна в отрицании и разрушительстве. В итоге Лобанов призывал власть опираться не на прогнившую сплошь проамериканскую, омещанившуюся интеллигенцию, а на простого мужика, который способен сохранить и укрепить национальный дух, национальную самобытность... Следом за этой статьёй в том же журнале вышла ещё одна – В. Чалмаева на эту же тему... Именно в этот спор, который шёл

уже на протяжении последних двух лет, и вплёл свой голос Высоцкий... Из-под его пера родилась песня про джинна (1967), где он вволю поёрничал над национализмом русского разлива... Этот раб-джинн представляет из себя весьма неприятное на вид чудище ("зелёное, пахучее, противное"), напоминающее "мужука". И здесь намёк более чем прозрачен. Вспомним, на кого призывал опираться в своей статье М. Лобанов — на простого русского мужика, а не на омещанившуюся интеллигенцию... Либеральная публика из числа столичной интеллигенции советскую деревню презирала, воспринимала её обитателей как безликую серую массу, безропотную опору советского режима".

Ф. Раззаков. "Я в колесе не птица", или "Чёртовое колесо" Владимира Высоцкого. "Советская Россия", 22 июля 2010

"Она (статья "Освобождение") принадлежит к тем событиям в моей жизни, которые изменили очень многое во мне как в человеке... Я понял, что это — моё. Я оттуда вышел... Но на самом деле, многие Ваши статьи определённым образом изменили в нашей стране взгляды огромного числа людей, значит, они изменили и нашу страну".

Владимир Костров. "Российский писатель", 2005, № 23-24

"Забуть ли, с каким нетерпением взбирался на двадцать второй этаж высотного здания МГУ в аспирантскую свою пору, чтобы, отложив в сторону Музиля, о котором писал, и Гессе, которого переводил, полистать свежие журналы в тамошней библиотеке. С каким упоением — западник! — проглатывал, к примеру, "Освобождение" Лобанова. За непомерным окном "сталинского" небоскреба пуржит, а взвихрённая мысль автора уносит в ту заснеженную бескрайность России".

Юрий Архипов. "Литературная Россия", 2010, № 26

"О недавнем 80-летию Михаила Петровича Лобанова с телеэкрана не было сказано ни слова. Между тем, вклад этого человека в духовную жизнь Отечества по-настоящему значителен и весом. В своё время явлением не только в литературной критике, литературоведении, да и вообще в литературе, но и во всей нашей общественной жизни стали такие статьи Михаила Лобанова, как "Просвещённое мещанство" и "Освобождение". С огромным интересом воспринимались, как правило, его книги, и даже написанные, казалось бы, о личностях исторических, скажем, о Сергее Тимофеевиче Аксакове или Александре Николаевиче Островском, звучали они всегда сугубо современно.

Хотя почему — "звучали"? И сегодня звучат! Недавно вышедшая его книга "В сражении и любви", вместившая глубокие размышления автора о дне вчерашнем и нынешнем, сугубо злободневна. Как злободневна лобановская публицистика последних лет на страницах "Нашего современника", "Молодой гвардии", "Советской России", "Правды" и других патристических изданий. Вместе с тем он уже более сорока лет работает в Литературном институте им. А. М. Горького, ведёт два творческих семинара прозы. Вот почему так хотелось мне поговорить с ним о сегодняшнем состоянии русской литературы как неотъемлемой части культуры Отечества".

Виктор Кожемяко. Газета "Советская Россия", 26.01.2006

"Сколько написано и сказано ныне о Сталине! И восторженного, и уничижительного, и доброго, и откровенно злого... У Михаила Лобанова — свой, отличающийся от таких рассуждений ход. Это тщательно изученные и прокомментированные опытным публицистом, писателем, критиком живые свидетельства об Иосифе Виссарионовиче Сталине, а также подлинные документы, относящиеся к его многогранной деятельности. Остаётся лишь поразиться тому, сколь долго и тщательно, с каким вниманием и упорством собирал все эти материалы автор, чтобы затем выстроить из них цельную, захватывающую, а главное — убедительную книгу!.. Я слышал о ней уже много отзывов — и ни один из них не обошёлся без примечания: это работа настоящего мастера".

Евгений Нефёдов. "Завтра", 2008, № 35, август